

Сергей СОЛОВЬЕВ

**<Рец. на кн.:> Андрей Белый. Кубок метелей.
Четвертая симфония**

Книгоиздательство «Скорпион». Москва. 1908. Цена 1 р. 50 к.

Четвертой симфонией, по-видимому, заканчивается цикл симфоний Андрея Белого. Создание симфонического стиля оказало огромное влияние на современную русскую литературу. Если бы Андрей Белый ничего не создал более, имя автора четырех симфоний не было бы забыто в русской литературе.

Теперь, когда мистика безнадежно загрязнена шарлатанством и рекламой, радостно проследить от начала до конца развитие симфонического цикла, вздохнуть атмосферой чистого мистического вдохновения, прислушаться к словам единственного поэта наших дней, несущего в сердце своем пламя пророческого прозрения.

Мы не забудем никогда весеннюю, овейную запахом первых цветов, грезами отроческой влюбленности, чистой символикой и беззаветным романтизмом, — первую «Северную» симфонию. Такой непорочной белизны, таких легких, прозрачных красок мы более не видели у Андрея Белого. Точно открылись кладези мистического познания и омыли наше будничное сознание волшебной сказкой о рыцаре, слагающем влюбленные молитвы своей непорочной королевне. «Вторая симфония» резко переносит нас в область повседневной действительности. Здесь поэт выказывает себя с новой стороны: неожиданно является он блестящим сатириком, реалистическим пессимистом. Символ и мистические грезы, столкнувшись с действительностью, безобразно искажаются. Мистическое вдохновение переходит в болезненный экстаз, религиозные символы обращаются в пародии. Отдельно стоит «Третья симфония». Здесь автор ставит узкие рамки для своего действия. Если в первых симфониях мы находим широкую картину жизни, то здесь интерес сосредоточивается на одном эпизоде. С упрощением художественной задачи совершенствуется форма.

В «Четвертой симфонии» поэт вновь возвращается к теме «Второй симфонии». В краткой формуле тема эта выразится так: преломление идеи мистической любви полов сквозь призму современной нам русской действительности. Тема эта распадается на две части: 1) извечная борьба начал божественного и демонического в сознании влюбленных и 2) соответствующие этому внутреннему процессу явления в сфере объективной действительности: господство эротизма в современной русской литературе и сектантские радения, извращение Эроса в интеллигентном обществе и народном расколе. В первом случае мы имеем сцены *смешные*, во втором — *ужасные*. В искусной схеме Андрей Белый раскрывает вечную трагедию любви. При этом изображение борьбы Логоса с хаосом за обладание женственным началом природы раскрывается то с субъективной, то с объективной стороны: то чрез изображение душевной жизни и поступков трех главных действующих лиц: Адама Петровича, Светозарова и Светловой, то чрез изображение явлений природы, откуда и название книги «Кубок метелей». Метель — как нераскрытая возможность, зов любимой женщины. Душа мира одержима материальными силами (Светлов); ей предстоит разрешиться или в хаос, во мрак зимы, и встает образ полковника Светозарова, в ореол серебряных листьев; или разрешиться в космос, в весенний свет, и встает образ странника, Адама Петровича, скуфейника с лазурными очами. Героиня Светлова из пустоты, небытия светской жизни углубляется в тайный скит мистической секты. Там происходит последнее сражение и образ полковника Светозарова вновь встает символом небытия среди черных покровов, ароматного ладана и розового елея.

Музыкально-математическая сторона симфонии совершенна и далеко оставляет за собою предыдущие симфонии. Поэт пытается здесь дать объективно-научное обоснование своей художественной концепции. Некоторые ценные разъяснения музыкальной структуры симфонии дает он в предисловии.

Не совсем так обстоит дело со стороны «словесной». 4-я симфония — произведение перелома в творчестве Андрея Белого. Рамки симфонической формы становятся тесны для его таланта, невольно из речи отрывистой перепадает он в речь периодическую. Поэтому мы отметим три основных стиля симфонии: 1) прежний, симфонический, — сжатая, отрывистая речь: «Было тихо. Лазурное небо точно плакало вдали» (94); 2) стиль византийский, витиеватый, насыщенный сложными, эллинистическими эпитетами, особенно в последней части «Гробная лазурь»: юницы *розовоустые* (227), *рясофорная* летунья (216), предтекущие *светоносцы*, червонные *потиры* (219), *белолилейный* цветок (181), *полиелей* (190); 3) гоголевский, народный: «Когда стремительно она низринула, как упругий, в стремнину брошенный, черный дротик,

как завизжавший стриж, разметнувший упругие крылья — мимо оболочка, мимо...» (205). Style moderne, византийский и народный — не суть ли три взаимно исключаящие стихии?

Читая «Кубок метелей» с начала до конца, мы замечаем сильное возрастание таланта. В соответствии с переменной стиля, с переходом от симфонического стиля к исконному русскому стилю, мистицизм автора углубляется, поэт становится строже, печальней и задумчивей. От легкого мистико-салонного флирта, от шумных литературных споров поэт восходит к действительному трагизму любви. Он становится проще, грубее, правдивее. Чувствуется автор «Куста»¹. В начале симфонии коробят аллегории вроде: снега, как лилии (глубокая ложь) (7), губы — доли *багряного* персика (?!) (10), метельная ектения (41), диаконы снежные (58). Тут еще нет природы и поэзии, есть жеманность и салонность, породившая «снежные маски», «снежные костры»² и прочие *аллегии*. Постановка прилагательного после существительного, столь уместная в русском стиле, здесь режет диссонансом, напр.: мед снежный (21). Также мы не можем одобрить страницы фельетонного характера, где осмеиваются явления, мимо которых молча должно проходить строгое искусство.

Если *аллегориями* кажутся нам снежные диаконы, то истинным символизмом изобилует великолепная глава «Верхом на месяце» (203). Неужели мы не забудем всю схематичность и надуманность «метельных ектений», когда прочтем следующие строки: «тогда белая мертвая ее головка с алой закушенной острыми зубами губкой, и рыжий пламень из-под платов распущенных кос, и стрекодавские по воздуху четки, как звонкая плетка, награждавшая ударами странного, насмешливого коня, дивною прелестью сердце сжимало; тогда изгибы ее атласного стана и черные чулочки в красных подвязках, и над чулочками молочный цвет колдуньиной ножки, и бархатный клубок, как темный рог, уставленный вперед, и злой сладострастный ее взор из-под дугой сошедшихся бровок — все, все старыми чарами сожигало, старинными» (205—206).

Здесь умирает Андрей Белый симфоний, и возникает новый Андрей Белый, Андрей Белый «Куста».

Из отдельных лиц наиболее закончен и совершенен полковник Светозаров. Образ героини не вполне выдержан.

